

## Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике\*

В. А. Брызгалин<sup>1,2</sup>, Е. Н. Никишина<sup>1,2</sup>

<sup>1</sup> *Институт национальных проектов (Москва, Россия)*

<sup>2</sup> *МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)*

Проанализированы различия между российскими регионами по социокультурным характеристикам Г. Хофстеде. Кратко рассмотрены наиболее распространенные подходы к измерению культуры, а также опыт использования методологии Хофстеде для проведения кросс-региональных исследований в других странах и в России. Рассмотрены основные методологические сложности социокультурных измерений на региональном уровне, предложены подходы к их преодолению. На основе опроса студентов в 27 российских вузах зафиксированы межрегиональные различия по характеристикам индивидуализма и избегания неопределенности. Регионы Поволжья оказались более коллективистскими относительно других регионов, по мере движения на восток индивидуализм увеличивается (наиболее индивидуалистичны Сибирь и Дальний Восток). Результат устойчив в разных эконометрических моделях. Обсуждаются возможности использования региональных социокультурных особенностей на практике и перспективные направления дальнейших исследований.

*Ключевые слова:* культура, ценности, регионы России, Хофстеде.

*JEL:* B410, D910, Z100, Z130.

---

*Брызгалин Виктор Аркадьевич* (v.bryzgalin@inp.ru), вед. специалист отдела прикладных исследований Института национальных проектов, аспирант экономического факультета МГУ; *Никишина Елена Николаевна* (enikishina@inp.ru), к. э. н., директор по стратегическому развитию Института национальных проектов, доцент экономического факультета МГУ.

\* Авторы выражают благодарность администрации и представителям вузов ФУМО, Тьюнинг-центру ЭФ МГУ за содействие в проведении исследования ценностей и общекультурных ценностей российских студентов экономических специальностей, а также А. А. Лузану, А. И. Бахтигаревой, А. В. Золотову, Н. А. Припузовой и А. А. Ставинской за совместную работу и обсуждения в ходе исследования.

В настоящее время влияние культуры — ценностей и поведенческих установок, разделяемых сообществом и медленно меняющихся во времени, — на экономическое развитие не подвергается сомнению (Castellani, 2018). Доказано влияние культуры на инновационное развитие (Gorodnichenko, Roland, 2011; Shane, 1993), качество институтов (Licht et al., 2007), специфику финансовых рынков (Guiso et al., 2004), рынок труда (Carrée et al., 2007), экономический рост (Algan, Cahuc, 2010) и др.

Долгое время в качестве единицы анализа в социокультурных исследованиях выступали страны, но не регионы или люди. Это было обусловлено, во-первых, тем, что культура часто рассматривалась как характеристика коллективная, присущая определенному сообществу (Beugelsdijk, Maseland, 2010). Во-вторых, тем, что данные о культуре долгое время собирались на страновом уровне (Hofstede, 2001; Schwartz, 2014 и др.), а это ограничивало возможности исследователей анализировать региональные данные.

Появление данных о религиозном и этнолингвистическом разнообразии показало, что предпосылка об однородности культуры страны если и верна, то не для всех стран. Например, если это применимо для Японии или Исландии, то для Индии или Бельгии — в значительно меньшей степени (Eberhard et al., 2020).

При этом исследования показывают, что региональные различия в культуре могут иметь последствия для экономической политики. В 1994 г. Р. Патнэм на примере Италии показал, что эффективность реформы местного самоуправления может зависеть от характеристик социального капитала в регионах (Putnam et al., 1994). Показана связь социокультурных особенностей с региональным развитием (Dincer, Uslaner, 2010; Tabellini, 2010). Понимание особенностей культуры регионов, при прочих равных условиях, может повысить как эффективность работы компаний в разных регионах России, так и эффективность выбора и реализации программ регионального развития (за счет использования конкурентных преимуществ, обусловленных особенностями культуры, гармонизации формальных институтов и культуры, более точного позиционирования/фрейминга изменений в разных регионах и т. д.)<sup>1</sup>. Кроме того, существование региональных различий в культуре само по себе может быть дополнительным аргументом при выборе степени централизации управления и регулирования.

Можно предположить, что в России — многонациональной стране со значительной территорией — также существуют региональные различия в культуре и, как следствие, потенциал для их использования. В ряде исследований наряду с общими характеристиками зафиксированы различия между отдельными регионами (Аузан и др., 2017; Дубицкая, 2015; Латов, Латова, 2007; Лебедева, Татарко, 2007; Ядов, 2002). Вместе с тем сохраняется дефицит сопоставимых данных,

---

<sup>1</sup> Безусловно, культура не единственный и не основной фактор регионального развития. На него влияют также обеспеченность ресурсами и инфраструктурой, специфика расселения, качество институтов, уровень человеческого капитала и др. (Gennaioli et al., 2014; Кузнецова, 2013).

позволяющих сравнивать особенности культуры у жителей разных российских регионов.

Цель данной статьи — на основе опроса студентов экономических специальностей, обучающихся в 27 университетах, проверить гипотезу о существовании региональных различий в социокультурных характеристиках в России.

### **Социокультурные методики и измерение в регионах**

На настоящий момент разработано более десяти методик социокультурных измерений (см. обзоры: Taras, 2008; Никишина, 2015). Среди них к самым известным относят методики Г. Хофстеде (Hofstede, 2001), Ш. Шварца (Schwartz, 1994), GLOBE (House et al., 2004), Р. Инглхарта (Inglehart, 1990). В данном исследовании для измерения региональных различий использовалась методика Хофстеде<sup>2</sup>.

Методика Хофстеде — одна из первых количественных методик кросс-культурных сравнений. За более чем 30-летний период ее использования накоплен значительный массив результатов о связи между культурными характеристиками и социально-экономическими показателями. Несмотря на критику отдельных элементов методики (Minkov, 2018) и активное развитие конкурирующих подходов (в частности, Шварца, см.: Schwartz, 2012), она до сих пор широко используется (Beugelsdijk, Maseland, 2010).

Основные социокультурные измерения Хофстеде: индивидуализм, дистанция власти, маскулинность, избегание неопределенности, долгосрочная ориентация (табл. 1)<sup>3</sup>.

Наряду с межстрановыми исследованиями, в последнее десятилетие появляются работы, посвященные изучению социокультурных различий на региональном уровне. Так, Хофстеде с соавторами (Hofstede et al., 2010) выявили социокультурные различия между отдельными штатами Бразилии, при этом констатируя, что выявленные региональные различия слабее различий между странами. На примере Капе-Верде были выявлены статистически значимые различия между регионами по показателю индивидуализма (García-Cabrera, García-Soto, 2008). В то же время анализ регионов Хорватии показал культурную гомогенность страны: статистически значимых различий между регионами не обнаружено (Rajh et al., 2016).

В России также проводились исследования, направленные на измерение социокультурных различий между регионами. Результаты пока-

---

<sup>2</sup> В литературе по социокультурным различиям между регионами используются и другие методы. В рамках «новой экономической географии» рассматривается «региональная идентичность» — чувство принадлежности жителей региона к территории/институциональному образованию (Semian, Chromý, 2014). В кросс-культурной психологии популярна методика «большой пятерки черт» (Big Five personality traits) — накопленный массив данных в некоторых развитых странах позволяет проводить исследования на уровне регионов и районов, в частности, по вопросам предпринимательства (Obschonka et al., 2015). Однако на данный момент эти и другие подходы распространены не так широко, как подход Хофстеде.

<sup>3</sup> В последней версии методики Хофстеде используется еще одна характеристика — Indulgence (потворство желаниям). Она не рассматривается в настоящем исследовании.

**Основные социокультурные характеристики по Хофстеде**

Индивидуализм / коллективизм (IDV)	Индивидуализм характерен для обществ, в которых связи между людьми слабы: каждый заботится только о себе и своих ближайших родственниках. В коллективистских обществах люди с самого рождения включены в сильные и сплоченные группы, которые в течение всей их жизни предоставляют им защиту в обмен на безусловную лояльность.
Дистанция власти (PDI)	Степень, в которой наделенные относительно меньшей властью члены общества или организации ожидают и допускают неравномерность распределения власти.
Маскулинность / феминность (MAS)	В маскулинных обществах ценятся достижительность, напористость, успех и конкурентность. В феминных — кооперация, умеренность, забота о слабых и качество жизни.
Избегание неопределенности (UAI)	Степень, с которой принадлежащие к одной культуре люди боятся неопределенных и незнакомых ситуаций.
Долгосрочная / краткосрочная ориентация (LTO)	Характеризует общества, в которых ценятся качества, нацеленные на получение наград в будущем, в частности, упорство и бережливость. В обществах с краткосрочной ориентацией важны ценности, связанные с прошлым и настоящим, в частности, уважение к традициям, «сохранение лица», выполнение социальных обязательств.

Источник: Hofstede, 2001.

зывают, что в России существуют межрегиональные социокультурные различия, однако они невелики. В исследовании Института социологии РАН (Латов и др., 2005) наибольшая межрегиональная вариация была выявлена для индивидуализма. В исследованиях В. Ядова (Ядов, 2002) и В. Дубицкой (Дубицкая, 2015) — для маскулинности. В более поздних исследованиях Ю. В. и Н. В. Латовых (Латов, Латова, 2007) — для индивидуализма, дистанции власти и маскулинности; в исследовании ЦСР-РВК-ИНП (Аузан и др., 2017) и РВК-ИНП (Антонов и др., 2019) — для индивидуализма, дистанции власти и избегания неопределенности.

Сложность сопоставления результатов этих исследований связана с тем, что использовались разные модификации методик Хофстеде, разные выборки респондентов — гомогенные, гетерогенные и репрезентативные, а также разные регионы исследований. Все это обуславливает актуальность проведения исследований по более широкой выборке регионов. Кроме того, использование новейших методов эмпирического анализа данных, ставших популярными в последние десять лет, позволяет получать более точные результаты.

### Методология измерения межрегиональных различий

Проведение межрегиональных социокультурных сравнений сопряжено с преодолением нескольких методологических трудностей. Рассмотрим основные из них.

*Определение типа выборки.* При проведении социокультурных исследований, основанных на социологических опросах, получили распространение два подхода: первый основан на использовании гомогенных выборок, второй — на использовании репрезентативных.

Гомогенные выборки (характеристики респондентов одинаковые, кроме региона/страны проживания респондента) позволяют нивелировать влияние прочих факторов (корпоративной культуры, образования, дохода, профессии и т. д.) и выявлять «чистый эффект культуры». Такой подход применяется не только в методике Хофстеде, призывающего «сравнивать яблоки с яблоками», но и в методиках Шварца, GLOBE и др.

Репрезентативные выборки позволяют получить усредненное значение социокультурных характеристик в регионе (стране). Вместе с тем различия, полученные на таких данных, могут объясняться не столько социокультурными, сколько прочими факторами (например, социально-экономическим развитием региона, структурой населения и т. д.). На репрезентативных выборках основана методика Инглхарта, опирающаяся на проект World Values Survey. В последние годы появляются исследования, в которых при сборе данных используются репрезентативные выборки (Minkov, 2018; Rajh et al., 2016).

*Самоотбор.* Основная проблема использования гомогенных выборок — возможное смещение данных в результате самоотбора. Во-первых, различия в социально-экономическом развитии территорий могут приводить к тому, что даже сотрудники одной компании, работающие на сходных позициях, но в разных странах или регионах, могут отличаться по социальному положению. Например, социальные портреты сотрудников IBM в Индии и США могут не совпадать.

Во-вторых, экстраполяция выводов о различиях в гомогенных группах на весь регион может осуществляться только при предпосылке об одинаковом проявлении ценностных различий между регионами во всех группах населения, а не только в исследуемой группе (например, сотрудников определенной компании). В целом эта предпосылка достаточно реалистична и подтверждается кросс-культурными исследованиями (Schwartz, 1994), однако экстраполировать результаты необходимо с осторожностью. Проблему можно решить, проводя повторные исследования на других выборках (включая репрезентативные), а также проверяя результаты на устойчивость.

*Влияние прочих факторов.* При проведении социокультурных исследований важная проблема состоит в нивелировании влияния прочих факторов (экономических, демографических и др.). Это особенно важно для исследований, в которых используются репрезентативные выборки.

Решить эту проблему может использование «экологического подхода» (ecological approach) (Algan, Cahuc, 2010). Он заключается в устранении влияния прочих характеристик через построение регрессий, где зависимыми переменными выступают интересующие исследователя социокультурные характеристики (на индивидуальном уровне), а объясняющими — набор контрольных переменных (преимущественно социально-демографических) и переменных принадлежности респондента к той или иной территории. Именно последние переменные интересуют исследователей. Данный подход позволяет выявить наличие статистически значимых различий между отдельными территориями при контроле на прочие факторы.

*Внутренняя миграция.* Высокая доля внутренних мигрантов в выборке может зашумлять результаты и размывать социокультурные различия<sup>4</sup>. В некоторых случаях это приводит к необходимости пересчитывать результаты с учетом территории происхождения респондентов.

### Результаты исследования межрегиональных социокультурных различий

С 2014 по 2016 г. Институтом национальных проектов (совместно с Тюнинг-центром экономического факультета МГУ) было проведено исследование ценностей и компетенций студентов экономических специальностей российских вузов из 27 регионов России, а также вузов из Донецка и Еревана, входивших в сеть ФУМО<sup>5</sup> по экономике и управлению — всего 29 вузов.

Для проверки гипотезы о региональных различиях были использованы следующие подходы. *Во-первых*, анализировалась однородная выборка — студенты экономических специальностей. *Во-вторых*, данные были агрегированы до уровня федеральных округов, что позволило получить большие выборки и снизить вероятность смещения результатов из-за возможных проблем при сборе данных в отдельных вузах. *В-третьих*, был использован «экологический подход» — при выявлении различий между регионами учитывались пол, доход, курс респондента и год проведения опроса. *В-четвертых*, для устранения эффекта учебной миграции<sup>6</sup> округ респондента определялся через место окончания школы, а не места текущего обучения<sup>7</sup>. Характеристики культуры измерялись с помощью методологии Хофстеде<sup>8</sup>. Описательная статистика выборки представлена в таблице 2<sup>9</sup>.

<sup>4</sup> В некоторых работах показано, что, несмотря на интенсивность внутристрановой миграции, региональная специфика может оставаться устойчивой на протяжении десятилетий и вопреки внешним шокам (Fritsch et al., 2019).

<sup>5</sup> ФУМО — Федеральное учебно-методическое объединение в сфере высшего образования по экономике и управлению.

<sup>6</sup> В среднем в вузах 24% студентов оканчивали школу в другом регионе России, а в некоторых вузах (например, Казанском (Приволжском) федеральном университете) доля доходила до 50%. Кроме этого, большую часть выборки составляли первокурсники, которые вряд ли успели переять ценности нового места жительства.

<sup>7</sup> Отметим, что несмотря на использованные методы и проверки результата на устойчивость (см. ниже), проблема самоотбора не решена полностью. Во-первых, выявленные различия между студентами из разных регионов могут быть обусловлены спецификой выборки и не совпадать с различиями в ценностях населения в целом. Во-вторых, остается возможность пропуска существенной переменной — мы можем говорить о наличии частной корреляции между регионом и ценностями, но не о наличии причинно-следственной связи. Низкий  $R^2$  также свидетельствует о сохранении значительной доли необъясненной дисперсии — это характерно для больших выборок на индивидуальных данных.

<sup>8</sup> Показатели Хофстеде были получены с помощью русской версии опросника VSM-2013, находящегося в открытом доступе на сайте Хофстеде. Вопросы были адаптированы под студенческую аудиторию (вместо «начальник» — «преподаватель» и т. д.; <https://geerthofstede.com/research-and-vsm/vsm-2013/>)

<sup>9</sup> Всего за 2014–2016 гг. получено 5015 наблюдений. Однако в 2014 г. вопросы, измеряющие характеристики Хофстеде, не были включены в опросник. Методология опроса также предполагала лонгитюдный трекинг части студентов: если респондент участвовал в нескольких волнах, учитывались его ответы за более ранний год. Итоговая выборка составила 3814 студентов, из которых часть наблюдений была выброшена из-за пропусков.

## Используемая выборка: описательная статистика

Характеристика	Категории	Количество опрошенных	Доля в выборке, %
Пол	Мужской	1184	32
	Женский	2571	68
Распределение респондентов по месту окончания школы	Сибирский федеральный округ	786	21
	Дальневосточный федеральный округ	87	2
	Приволжский федеральный округ	895	23
	Северо-Западный федеральный округ	443	12
	Северо-Кавказский федеральный округ	126	3
	Уральский федеральный округ	61	2
	Центральный федеральный округ	610	16
	Южный федеральный округ	485	13
	Украина	47	1
	Армения	57	1
	Казахстан	54	1
	Средняя Азия (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан)	63	2
Другие страны и пропуски	100	3	
Курс	Первый курс	2711	71
	Второй курс	131	3
	Третий курс	565	15
	Четвертый курс	347	10
	Магистратура, 1 курс	42	1
	Магистратура, 2 курс	10	0
Год опроса	2015	1765	46
	2016	2049	54
Отвечили на вопрос о доходе	Да	3212	84
	Нет	602	16

Источник: опрос ИНП и Тюнинг-центра в 2014–2016 г.

В таблице 3 приведены результаты регрессий. Коэффициенты в таблице отражают различия округа относительно Сибирского федерального округа (СФО)<sup>10</sup> — например, отрицательный знак при Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) по показателю дистанции власти (PDI) означает, что в СКФО дистанция власти ниже, чем в СФО. В скобках приведены робастные стандартные ошибки.

Выделим основные результаты. Во-первых, наибольшие различия в характеристиках культуры были обнаружены между студентами из России и студентами из Донецка и Еревана. Другими словами, *различия между странами оказались сильнее, чем межрегиональные различия* внутри одной страны, что соответствует результатам исследований по данной теме (Minkov, Hofstede, 2012). В частности, студенты из Донецкого государственного университета отличались более высокой дистанцией власти, а также более высоким уровнем коллективизма

<sup>10</sup> Сибирский федеральный округ выбран референтным по причине его крайнего положения по сравнению с другими регионами по ряду характеристик Хофстеде: в частности, в СФО один из самых высоких уровней дистанции власти и индивидуализма и низких уровней избегания неопределенности.

## Социокультурные различия между округами и странами

Округ, страна	PDI	IDV	MAS	LTO	UAI
Дальневосточный федеральный округ	-0,616 (1,516)	1,335 (1,283)	-0,999 (1,306)	-0,234 (1,619)	2,642 (1,819)
Приволжский федеральный округ	-0,861 (0,597)	-1,976*** (0,626)	0,375 (0,483)	-0,293 (0,633)	0,203 (0,746)
Северо-Западный федеральный округ	-1,025 (0,701)	-2,202*** (0,717)	0,010 (0,566)	1,014 (0,758)	0,278 (0,892)
Северо-Кавказский федеральный округ	-3,061*** (1,152)	-1,998 (1,391)	0,180 (1,092)	-0,263 (1,179)	0,290 (1,508)
Уральский федеральный округ	-2,646* (1,365)	-1,404 (1,698)	-0,131 (1,288)	-0,520 (1,663)	-0,739 (1,801)
Центральный федеральный округ	-0,547 (0,665)	-0,389 (0,680)	-0,365 (0,533)	-0,314 (0,731)	1,764** (0,767)
Южный федеральный округ	-0,472 (0,662)	-1,714** (0,699)	-0,433 (0,557)	0,272 (0,740)	3,641*** (0,879)
Украина	9,342*** (1,602)	-3,379** (1,612)	-0,997 (1,323)	-0,696 (1,911)	-0,856 (2,136)
Армения	-1,386 (1,703)	-3,662* (1,921)	0,809 (1,633)	-4,741** (2,152)	-5,373** (2,231)
Казахстан	-0,404 (1,521)	-2,800* (1,623)	-1,154 (1,153)	2,117 (1,887)	0,092 (2,157)
Средняя Азия (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан)	-2,277 (1,754)	-4,216*** (1,414)	-1,030 (1,277)	-0,755 (2,160)	-0,832 (2,009)
<i>N</i>	3048	3053	3050	3033	3065
<i>R</i> <sup>2</sup>	0,030	0,019	0,008	0,022	0,088

Примечание. Контрольные переменные — год опроса, курс, доход, пол; \*\*\*  $p < 0,01$ , \*\*  $p < 0,05$ , \*  $p < 0,1$ .

Источник: расчеты авторов по данным опроса ИНП и Тюнинг-центра в 2014–2016 г.

(последний результат согласуется с данными самого Хофстеде<sup>11</sup>, по дистанции власти Россия и Украина занимают, согласно его данным, одинаковые позиции<sup>12</sup>). Студенты из Еревана меньше избегают неопределенности, а также обладают более низким уровнем долгосрочной ориентации<sup>13</sup>. Студенты, окончившие школу в Казахстане и странах Средней Азии (Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане), обладают более низким уровнем индивидуализма по сравнению со своими сверстниками из Сибири<sup>14</sup>.

Во-вторых, между российскими федеральными округами не обнаружено статистически значимой вариации по показателю маскулинности и долгосрочной ориентации, что позволяет говорить в том числе о схожести культуры регионов.

<sup>11</sup> <https://www.hofstede-insights.com/product/compare-countries/>

<sup>12</sup> Результаты могут несколько отличаться из-за преобладания в выборке студентов из восточных областей Украины.

<sup>13</sup> База данных Хофстеде не содержит информацию об Армении.

<sup>14</sup> В ходе опроса не проводился контроль на национальность респондента. Возможно, часть студентов, окончивших школу в других странах и обучающихся в России, русские по национальности — включение в выборку только представителей титульных этносов могло усилить различия.

В-третьих, Сибирский федеральный округ отличается достаточно высоким уровнем дистанции власти. Наибольшие различия наблюдаются с Северо-Кавказским федеральным округом: студенты из этого округа отличаются *наименьшим уровнем дистанции власти по сравнению с другими студентами*. Возможное объяснение — исторический самоотбор: распространение на части территории казачества, меньшее влияние крепостного права и т. д., большая культурная разнородность региона<sup>15</sup>.

В-четвертых, сильно выделяется *высокое избегание неопределенности у студентов из Южного федерального округа*. Студенты из Центрального федерального округа также оказались скорее склонны избегать неопределенных ситуаций (во всяком случае, по сравнению со студентами из Сибири), однако значение коэффициента для ЦФО более чем вдвое меньше коэффициента для ЮФО. Причины данного эффекта требуют дополнительного изучения. Среди возможных объяснений — относительно высокая доля сельского населения в ЮФО; последствия серьезного социально-экономического «слома» уклада региона в результате событий начала XX в. и др.

Наиболее яркие различия наблюдаются по показателю индивидуализма. Студенты из Сибирского федерального округа, наравне с Дальневосточным, оказываются гораздо *индивидуалистичнее* студентов из Приволжского, Северо-Западного, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов. Еще более отчетливой становится картина при нанесении уровня индивидуализма по округам и регионам на карту (рис. 1). Наблюдается яркий паттерн: чем восточнее округ, тем более индивидуалистичны студенты. На уровне отдельных регионов виден равномерно низкий уровень индивидуализма в приволжских регионах — причем как в национальных республиках, так и в областях. По Северо-Западному, Южному и Северо-Кавказскому федеральным округам картина по регионам оказывается менее однородной — например, СЗФО оказывается коллективистским во многом из-за показателей Новгорода.

Полученный результат может быть следствием исторического отбора и укладывается в общие модели освоения территории (Bazzi et al., 2017). Исторически освоение территории России происходило с запада на восток, а колонизаторами оказывались наиболее предприимчивые и свободолюбивые люди. Более высокие значения коллективизма в Поволжье могут оказаться современным отражением исторического доминирования крестьянской общины.

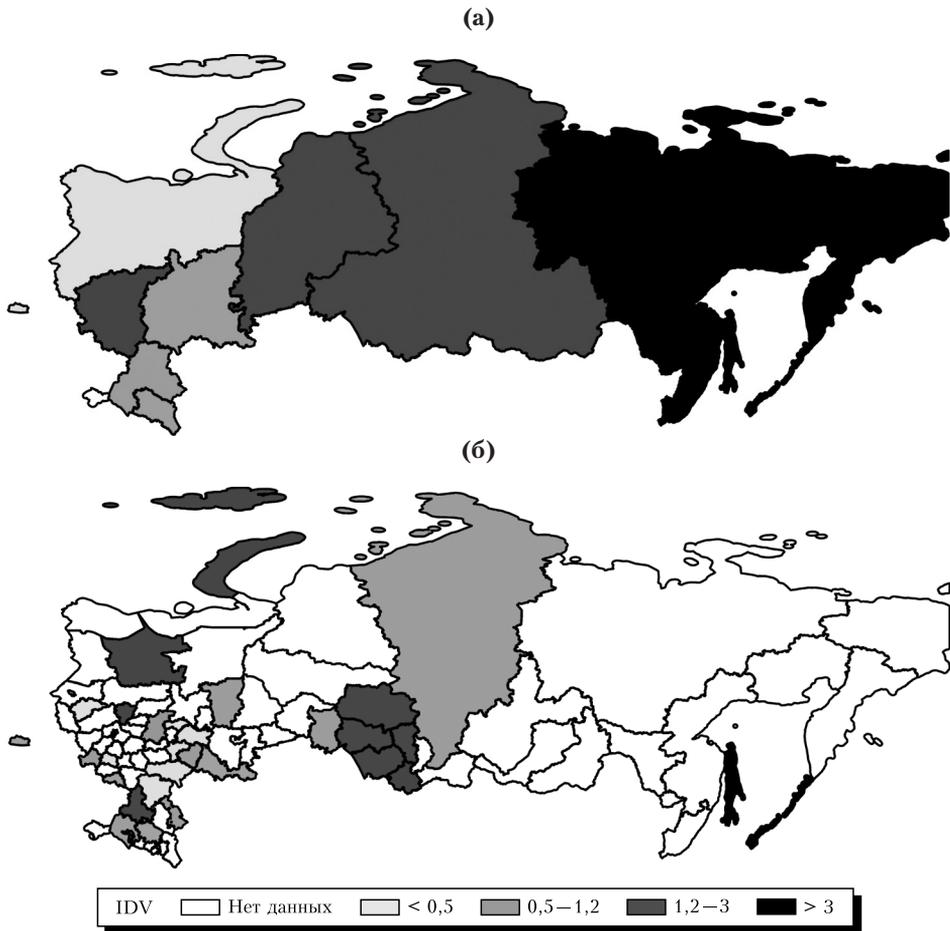
Результаты устойчивы при построении альтернативных спецификаций. Во-первых, они воспроизводятся на выборке, состоящей только из студентов, обучающихся в том же округе, где они окончили школу.

Во-вторых, результаты сохраняются при добавлении новой контрольной переменной — размера населенного пункта респондента, в котором он окончил школу (до 50 тыс. жителей; от 50 до 500 тыс. жителей;

---

<sup>15</sup> Среди дополнительных объяснений низкой дистанции власти в республиках Северного Кавказа может быть аномия, возникшая когда традиционные для сельской местности регуляторы разрушились, а новые городские еще не сформировались (Стародубровская, 2015).

Относительная выраженность индивидуализма  
у респондентов из разных федеральных округов (а) и регионов (б)



*Примечание.* Цвет показывает значение коэффициента перед округом/регионом в регрессиях, где зависимой переменной является индивидуализм, контрольные переменные — пол, курс, доход, год опроса. Черный цвет означает относительно более высокое значение индивидуализма в округе/регионе относительно других территорий при контроле на социально-демографические факторы, светло-серый — относительно более низкое. Округа и регионы выделены по месту окончания школы респондента.

*Источник:* построено авторами по данным опроса ИНП и Тюнинг-центра в 2014–2016 гг.

Рис. 1

свыше 500 тыс. жителей). Данная переменная построена на основе концепции «Четыре России»<sup>16</sup> (Зубаревич, 2012). Несмотря на то что ценности респондентов действительно связаны с размером населенного пункта, в котором респондент окончил школу (жители городов с на-

<sup>16</sup> В концепции «Четыре России» четвертая группа выделена на основе иного по отношению к предыдущим трем классификационным признакам: в нее Н. Зубаревич включила республики Северного Кавказа и несколько регионов Сибири. Так как принадлежность к региону является отдельной переменной, ключевой для данного исследования, в качестве контроля использовалось только отношение респондентов к одной из первых трех групп в концепции «Четыре России».

селением выше 500 тыс. характеризуются более высокой дистанцией власти, более высоким индивидуализмом, более низкой долгосрочной ориентацией и избеганием неопределенности по сравнению с жителями населенных пунктов численностью менее 50 тыс.), региональные различия сохранились на статистически значимом уровне.

В-третьих, вывод о более низком индивидуализме в Поволжье и более высоком избегании неопределенности на Юге сохраняется при добавлении переменной качества вузов<sup>17</sup>. Результаты представлены в таблице 4.

Т а б л и ц а 4

## Проверка устойчивости результата

Показатель	(1)		(2)		(3)	
	IDV	UAI	IDV	UAI	IDV	UAI
Дальневосточный федеральный округ	2,670* (1,517)	3,724* (1,976)	2,136 (1,314)	2,377 (1,853)	1,909 (1,335)	1,953 (1,861)
Приволжский федеральный округ	-1,852*** (0,636)	0,256 (0,763)	-1,854*** (0,629)	0,133 (0,751)	-1,568** (0,670)	-0,303 (0,794)
Северо-Западный федеральный округ	-2,156*** (0,731)	0,162 (0,917)	-1,379* (0,779)	0,312 (0,976)	-1,461* (0,823)	-0,701 (1,016)
Северо-Кавказский федеральный округ	-3,884** (1,517)	0,672 (1,780)	-1,297 (1,411)	0,014 (1,537)	-1,022 (1,498)	-1,166 (1,700)
Уральский федеральный округ			-0,686 (1,713)	-0,830 (1,817)	-1,076 (1,721)	-1,176 (1,823)
Центральный федеральный округ	-0,383 (0,695)	1,953** (0,782)	-0,160 (0,687)	1,614** (0,774)	0,123 (0,750)	1,119 (0,842)
Южный федеральный округ	-1,744** (0,710)	4,047*** (0,896)	-1,749** (0,703)	3,559*** (0,880)	-1,053 (0,803)	2,699*** (0,998)
Размер города окончания школы	Нет	Нет	Да	Да	Нет	Нет
Качество вуза	Нет	Нет	Нет	Нет	Да	Да
<i>N</i>	2,672	2,682	2,881	2,892	2,973	2,985
<i>R</i> <sup>2</sup>	0,016	0,091	0,020	0,089	0,021	0,089

*Примечание.* Контрольные переменные – год опроса, курс, доход, пол; \*\*\*  $p < 0,01$ , \*\*  $p < 0,05$ , \*  $p < 0,1$ .

*Источник:* расчеты авторов по данным опроса ИНП и Тюнинг-центра в 2014–2016 г.

Значения показателей Хофстеде могут быть связаны с социально-экономическими характеристиками регионов, а также с уровнем культурного (в первую очередь, этнолингвистического) разнообразия в них<sup>18</sup>. Для проверки наличия связей был проведен регрессионный анализ на уровне регионов<sup>19</sup>. Зависимыми переменными выступили пять характеристик Хофстеде, объясняющими – социально-экономические показатели (логарифм ВРП на душу населения, уровень безработицы, индекс Джини) и показатели разнообразия (использо-

<sup>17</sup> Вузы были поделены на три категории: входят в топ-50 рейтинга Эксперт РА, занимают место с 50-го по 100-е в рейтинге Эксперт РА, не входят в рейтинг Эксперт РА.

<sup>18</sup> Авторы благодарят рецензента за предложенную идею для проверки.

<sup>19</sup> По аналогии со спецификациями в таблицах 3 и 4, значения характеристик Хофстеде рассчитывались для регионов окончания школы респондентов. Регион включался в выборку при наличии минимум 30 наблюдений. В итоге были получены данные по 29 регионам.

вались показатель фракционализации<sup>20</sup> (Alesina et al., 2003; Вебер, Давыдов, 2017) и доля населения в регионе, идентифицирующего свою национальность как «русские»<sup>21</sup>.

Результаты регрессионного анализа показали отсутствие устойчивых связей между социально-экономическими показателями и характеристиками Хофстеде. Положительная связь между индивидуализмом и ВРП на душу населения оказалась преимущественно обусловлена двумя наиболее богатыми регионами в выборке — Москвой и Сахалинской областью. Обнаруженная связь между уровнем безработицы и индивидуализмом значима только на 10%-м уровне.

Связь с показателями этнолингвистического разнообразия оказалась гораздо сильнее. Доля населения в регионе, идентифицирующего свою национальность как «русские», оказалась положительно связана с уровнем индивидуализма и дистанцией власти, уровень фракционализации — отрицательно (во всех случаях связь значима на 1%-ном уровне). Это может свидетельствовать о том, что этнолингвистический состав — более значимый фактор в объяснении превалирующих ценностей и поведенческих установок в регионах, чем их социально-экономическое положение. Результат о более высоких значениях индивидуализма и дистанции власти в регионах с более высокой долей людей, идентифицирующих свою национальность как «русские» (рис. 2), подтверждается и в других исследованиях (Антонов и др., 2019). Изучение связей между социокультурными характеристиками, этнолингвистическим разнообразием и социально-экономическими результатами — перспективное направление дальнейших исследований.

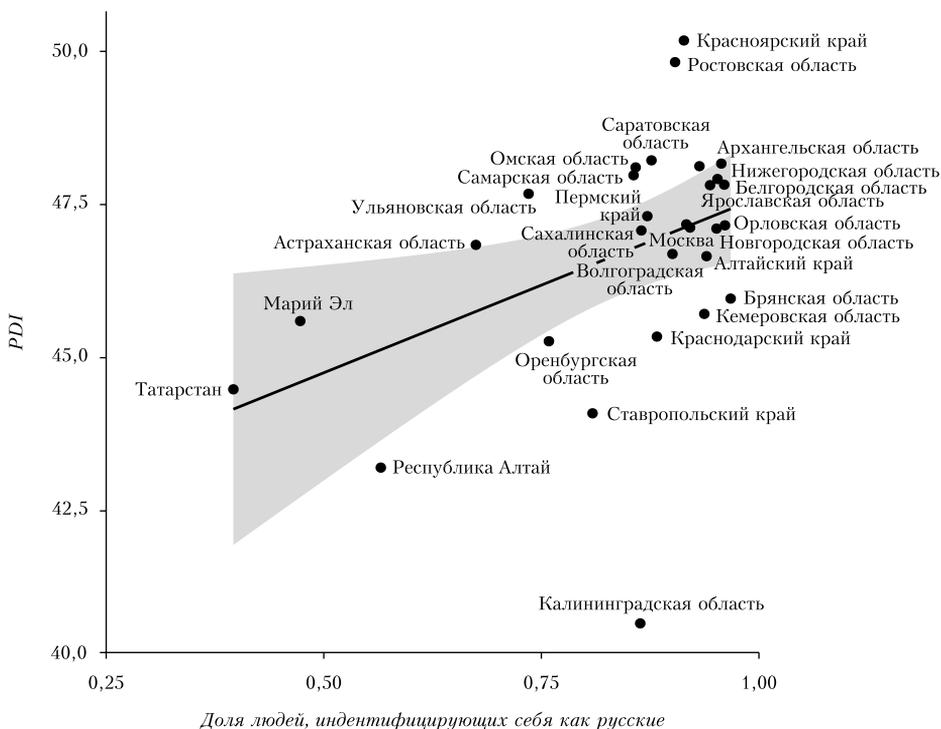
### **Как информацию о социокультурных различиях между регионами можно использовать в экономических целях?**

При использовании результатов социокультурных исследований на практике необходимо учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, на поведение человека, помимо ценностей, влияет множество иных факторов — материальные стимулы, действующее законодательство, доступность инфраструктуры и т. д. Другими словами, обладание определенным набором ценностей не предопределяет поведение человека (Аузан и др., 2017; Тамбовцев, 2018). Во-вторых, базовые социокультурные характеристики, оцениваемые при помощи методологии Хофстеде, могут обладать меньшей прогностической силой при предсказании поведения человека в конкретной ситуации по сравнению с более «частными» убеждениями о допустимости данного действия (Sun et al., 2014). В-третьих, знание социокультурных особенностей позволяет разработать или предложить корректировки программ

<sup>20</sup> Индекс фракционализации отражает вероятность того, что два случайно выбранных человека будут принадлежать к разным этнолингвистическим группам (Alesina et al., 2003).

<sup>21</sup> Данные по социально-экономическим показателям взяты с сайта Росстата за 2013 г. (год, предшествующий опросу). Индекс фракционализации и доля населения, идентифицирующего свою национальность как «русские», рассчитаны по данным переписи населения 2010 г.

**Связь между долей населения, идентифицирующего свою национальность как «русские», и уровнем дистанции власти**



*Примечание.* Характеристики Хофстеде рассчитывались для регионов, в которых респонденты оканчивали школы. Регион включался в выборку при наличии минимум 30 наблюдений. Национальный состав субъектов РФ получен по данным переписи 2010 г. Показатель доли рассчитывался от общей численности населения региона, указавшего национальность.

*Источник:* построено авторами по данным опроса ИНП и Тюнинг-центра в 2014–2016 гг.

Рис. 2

и мероприятий, но оценить их эффективность могут только экспериментальные и квази-экспериментальные методы.

Тем не менее зафиксированные особенности позволяют сделать первичную оценку социокультурных «драйверов» и барьеров развития регионов и очертить круг возможных рекомендаций. Ниже приведены наиболее перспективные пути прикладного применения результатов о межрегиональных социокультурных различиях.

*Использование преимуществ, обусловленных социокультурными особенностями региона.* Социокультурные различия между регионами могут обуславливать специфические для региона барьеры и конкурентные преимущества, которые важно учитывать при осуществлении региональной политики. В частности, более высокий индивидуализм, при прочих равных условиях, может быть предпосылкой более успешного инновационного развития (Chen et al., 2017).

*Выбор эффективного для данной социокультурной среды института.* Эффективность конкретного института может варьировать в зависимости от среды (в том числе культурной), в которой он внед-

ряется (Полтерович, 2001). Гармонизация формальных и неформальных институтов может повысить эффективность их работы (Аузан, Никишина, 2013). Например, при низком уровне индивидуализма индивидуальные меры стимулирования работников могут работать хуже, чем коллективные. В некоторых случаях целесообразно использовать «второй наилучший» вариант (Rodrik, 2008), в российской традиции — «промежуточный» институт (Полтерович, 2007; Аузан и др., 2017): работоспособный при имеющихся ограничениях (в том числе социокультурных), способствующий их ослаблению и создающий тем самым условия для дальнейших преобразований.

Фактор культуры также может определять сравнительную эффективность мер борьбы с пандемией коронавируса. Например, жесткие социальные нормы (готовность подчиняться, ограничивать себя на благо других и т. д.) в азиатских странах обсуждаются как один из благоприятных факторов при борьбе с болезнью (Van Bavel et al., 2020). Культура раздельной жизни детей и родителей в сочетании с высоким институциональным доверием и следованием правилам были одной из причин «мягкого» ответа на коронавирус в Швеции<sup>22</sup>. Знание социокультурных особенностей позволяет выбрать оптимальный уровень жесткости мер (и контроля за их соблюдением) для достижения желаемого результата. Учитывая, что решения о карантинных мероприятиях принимались в России регионами самостоятельно, данные о социокультурном профиле могли бы помочь местным властям в принятии решений.

*Повышение точности прогнозирования.* Социокультурные факторы можно включать как объясняющие переменные в прогнозные модели. Наиболее перспективная область применения — маркетинговые исследования и моделирование распространения технологий и продуктов (Meade, Islam, 2006). Учет социокультурных факторов может повысить точность предсказания и иных показателей — например, предпринимательской активности в регионах (Obschonka et al., 2015).

*Институциональное проектирование и повышение эффективности инструментов поведенческой экономики* (например, фрейминга). Исследование возможностей «мягкого подталкивания» (nudging) на данный момент — одно из наиболее популярных прикладных направлений в поведенческой экономике<sup>23</sup>. При этом один из важных вызовов — отсутствие системных знаний о том, какой инструмент окажется эффективнее в конкретной ситуации и на той или иной территории. Знание особенностей социокультурной среды позволяет сузить перечень потенциально эффективных инструментов.

*Корректировка образовательных, информационных и просветительских программ.* Знание социокультурного профиля региона и его воздействия на развитие позволяет определять приоритеты политики в области образования и просвещения. Например, в случае высокого уровня избегания неопределенности особое внимание должно уделяться программам и мероприятиям, повышающим принятие риска и неопределенных ситуаций, развитию культуры, дающей право на ошибку, и т. д.

<sup>22</sup> <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-19/sweden-says-controversial-covid-19-strategy-is-proving-effective>

<sup>23</sup> Информацию о соответствующих практических применениях можно найти по адресу: <https://www.ideas42.org>

Дальнейшие исследования в сфере социокультурной экономики, в том числе основанные на экспериментальном тестировании (лабораторные и полевые эксперименты), позволят повысить точность рекомендаций.

\* \* \*

В статье описан подход к проведению социокультурных исследований, позволяющий количественно оценить социокультурные различия между регионами. Ключевые особенности — использование экологического подхода для нивелирования влияния прочих факторов (в том числе для гомогенных выборок) и учет внутренней миграции.

Результаты сравнения социокультурных характеристик у студентов экономических специальностей — максимально гомогенизированных выборок — показывают, что отдельные региональные различия существуют. Наиболее устойчивые результаты: более высокий индивидуализм в Сибири и на Дальнем Востоке, более высокий коллективизм в регионах Поволжья, более высокое избегание неопределенности на Юге России.

Представляется перспективным проведение дальнейших исследований на региональном уровне. Во-первых, связанных с расширением географии исследований и проверкой выявленных закономерностей на других регионах России (особенно в национальных республиках). Во-вторых, направленных на экспериментальное тестирование причинно-следственных связей между социокультурной спецификой и эффективностью отдельных институтов. Дальнейшие исследования в этой области могут подтвердить необходимость дифференцированной региональной политики с учетом социокультурного фактора, а также дать больше достоверных данных для ее проведения.

### Список литературы/References

- Антонов Е. В., Аузан А. А., Брызгалин В. А., Вороненко В. А., Золотов А. В., Никишина Е. Н., Припузова Н. А., Трухачев С. А. (2019). Социокультурные факторы инновационной активности населения. М.: Институт национальных проектов; Российская венчурная компания. [Antonov E. V., Auzan A. A., Bryzgalin V. A., Voronenko V. A., Zolotov A. V., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Trukhachev S. A. (2019). *Sociocultural factors of population innovation activity*. Moscow: Institute for National Projects; Russian Venture Company. (In Russian).]
- Аузан А. А., Авдиенкова М. А., Андреева Д. А., Бахтигараева А. И., Брызгалин В. А., Бутаева К. О., Вебер Ш., Давыдов Д. В., Золотов А. В., Никитин К. М., Никишина Е. Н., Припузова Н. А., Ставинская А. А. (2017). Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. М.: Центр стратегических разработок. [Auzan A. A., Avdienkova M. A., Andreeva D. A., Bakhtigaraeva A. I., Bryzgalin V. A., Butaeva K. O., Weber S., Davydov D. V., Zolotov A. V., Nikitin K. M., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Stavinskaya A. A. (2017). *Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms*. Moscow: Center for Strategic Research. (In Russian).]

- Аузан А. А., Никишина Е. Н. (2013). Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. № 4. С. 48–57. [Auzan A. A., Nikishina E. N. (2013). Economic dynamics in the long run: The role of informal institutions. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*, No. 4, pp. 48–57. (In Russian).]
- Вебер Ш., Давыдов Д. (2017). Социально-экономические эффекты языкового разнообразия // Вопросы экономики. № 11. С. 50–62. [Weber S., Davydov D. (2017). Societal and economic effects of linguistic diversity. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 50–62. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-11-50-62>
- Дубицкая В. (2015). Капитализм под копирку: Иллюзии эффективных менеджеров. М.: Альпина Паблшер. [Dubitskaya V. (2015). *Copied capitalism: Illusions of effective managers*. Moscow: Alpina Pablsher. (In Russian).]
- Зубаревич Н. В. (2012). Современная Россия: география с арифметикой // Отечественные Записки. Т. 46. № 1. С. 55–64. [Zubarevich N. V. (2012). Contemporary Russia: Geography with arithmetic. *Otechestvennye Zapiski*, Vol. 46, No. 1, pp. 55–64. (In Russian).]
- Кузнецова О. (2013). Пирамида факторов социально-экономического развития регионов // Вопросы экономики. № 2. С. 121–131. [Kuznetsova O. (2013). Pyramid of factors of regional socio-economic development. *Voprosy Ekonomiki*, No. 2, pp. 121–131. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-2-121-131>
- Латов Ю. В., Латова Н. В. (2007). Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда // Мир России. № 4. С. 43–72. [Latov Yu. V., Latova N. V. (2007). Findings and paradoxes of ethnometric analysis of Russia's economic culture according to Hofstede. *Mir Rossii*, No. 4, pp. 43–72. (In Russian).]
- Латов Ю. В., Латова Н. В., Николаева С. И. (2005). Повседневная теневая экономика и национальная экономическая ментальность в современной России: взаимосвязь индексов Г. Хофстеда и индикаторов теневой экономической деятельности. М.: Директмедиа Паблшинг. [Latov Yu. V., Latova N. V., Nikolaeva S. I. (2005). *Routine shadow economy and national economic mentality in modern Russia: Relationship between Hofstede indices and indicators of shadow economy activities*. Moscow: Direktmedia Publishing. (In Russian).]
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н. (2007). Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ. [Lebedeva N. M., Tatarko A. N. (2007). *Cultural values and the society development*. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Никишина Е. Н. (2015). Культурный капитал как фактор неопределенности и транзакционных издержек // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 5. С. 3–21. [Nikishina E. N. (2015). Cultural capital as a factor of uncertainty and transaction costs. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya 6: Ekonomika*, No. 5, pp. 3–21. (In Russian).]
- Полтерович В. (2001). Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. № 3. С. 24–50. [Polterovich V. (2001). Transplantation of institutions. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii*, No. 3, pp. 24–50. (In Russian).] <https://doi.org/10.1001/jama.285.12.1649>
- Полтерович В. М. (2007). Стратегии институциональных реформ, или Искусство реформ (Препринт WP10/2007/08). М.: ГУ–ВШЭ. [Polterovich V. M. (2007). *Institutional reform strategies or art of reforms*. (Preprint WP10/2007/08). Moscow: SU–HSE. (In Russian).] [https://www.hse.ru/data/2010/05/06/1216457943/WP10\\_2007\\_08f.pdf](https://www.hse.ru/data/2010/05/06/1216457943/WP10_2007_08f.pdf)
- Стародубовская И. В. (2015). Как бороться с радикализмом молодежи на Северном Кавказе? // Общественные науки и современность. № 6. С. 84–96. [Starodubovskaya I. V. (2015). How to fight with radicalism among young people in the North Caucasus? *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, No. 6, pp. 84–96. (In Russian).]

- Тамбовцев В. Л. (2018). Инновации и культура: важность методологии анализа // Вопросы экономики. № 9. С. 70–94. [Tambovtsev V. L. (2018). Innovations and culture: Importance of the analysis methodology. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 70–94. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-9-70-94>
- Ядов В. А. (2002). Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. Вып. 2. С. 349–363. [Yadov V. A. (2002). Sociological foundations for the forecast of the Russian future society. *Rossiia Reformiruyushchayasya*, Vol. 2, pp. 349–363. (In Russian).]
- Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. (2003). Fractionalization. *Journal of Economic Growth*, Vol. 8, No. 2, pp. 155–194. <https://doi.org/10.1023/A:1024471506938>
- Algan Y., Cahuc P. (2010). Inherited trust and growth. *American Economic Review*, Vol. 100, No. 5, pp. 2060–2092. <https://doi.org/10.1257/aer.100.5.2060>
- Bazzi S., Fiszbein M., Gebresilasie M. (2017). Frontier culture: The roots and persistence of “rugged individualism” in the United States. *NBER Working Paper*, No. 23997. <https://doi.org/10.3386/w23997>
- Beugelsdijk S., Maseland R. (2010). *Culture in economics: History, methodological reflections and contemporary applications*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511761539>
- Carree M., Van Stel A., Thurik R., Wennekers S. (2007). The relationship between economic development and business ownership revisited. *Entrepreneurship & Regional Development*, Vol. 19, No. 3, pp. 281–291. <https://doi.org/10.1080/08985620701296318>
- Castellani M. (2018). Does culture matter for the economic performance of countries? An overview of the literature. *Journal of Policy Modeling*, Vol. 41, No. 4, pp. 700–717. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2018.06.006>
- Chen Y., Podolski E. J., Veeraraghavan M. (2017). National culture and corporate innovation. *Pacific-Basin Finance Journal*, Vol. 43, pp. 173–187. <https://doi.org/10.1016/j.pacfin.2017.04.006>
- Dincer O. C., Uslaner E. M. (2010). Trust and growth. *Public Choice*, Vol. 142, Article number 59. <https://doi.org/10.1007/s11127-009-9473-4>
- Eberhard D. M., Simons G.F., Fennig C. D. (eds.) (2020). *Ethnologue: Languages of the world*. 23<sup>rd</sup> ed. Dallas, TX: SIL International.
- Fritsch M., Sorgner A., Wyrwich M., Zazdravnykh E. (2019). Historical shocks and persistence of economic activity: Evidence on self-employment from a unique natural experiment. *Regional Studies*, Vol. 53, No. 6, pp. 790–802. <https://doi.org/10.1080/00343404.2018.1492112>
- García-Cabrera A. M., García-Soto M. G. (2008). Cultural differences and entrepreneurial behaviour: An intra-country cross-cultural analysis in Cape Verde. *Entrepreneurship and Regional Development*, Vol. 20, No. 5, pp. 451–483. <https://doi.org/10.1080/08985620801912608>
- Gennaioli N., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. (2014). Growth in regions. *Journal of Economic Growth*, Vol. 19, No. 3, pp. 259–309. <https://doi.org/10.1007/s10887-014-9105-9>
- Gorodnichenko Y., Roland G. (2011). Individualism, innovation, and long-run growth. *PNAS*, Vol. 108, Suppl. 4, pp. 21316–21319. <https://doi.org/10.1073/pnas.1101933108>
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2004). The role of social capital in financial development. *American Economic Review*, Vol. 94, No. 3, p. 526–556. <https://doi.org/10.1257/0002828041464498>
- Hofstede G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors and organizations across nations*. 2<sup>nd</sup> ed. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Hofstede G., Garibaldi de Hilal A. V., Malvezzi S., Tanure B., Vinken H. (2010). Comparing regional cultures within a country: Lessons from Brazil. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 41, No. 3, pp. 336–352. <https://doi.org/10.1177/0022022109359696>
- House R. J., Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P. W., Gupta V. (2004). *Culture, leadership and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Thousand Oaks, CA: Sage.

- Inglehart R. (1990). *Culture shift in advanced industrial society*. Princeton University Press.
- Licht A. N., Goldschmidt C., Schwartz S. H. (2007). Culture rules: The foundations of the rule of law and other norms of governance. *Journal of Comparative Economics*, Vol. 35, No. 4, pp. 659–688. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2007.09.001>
- Meade N., Islam T. (2006). Modelling and forecasting the diffusion of innovation – A 25-year review. *International Journal of Forecasting*, Vol. 22, No. 3, pp. 519–545. <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2006.01.005>
- Minkov M. (2018). A revision of Hofstede's model of national culture: Old evidence and new data from 56 countries. *Cross Cultural and Strategic Management*, Vol. 25, No. 2, pp. 231–256. <https://doi.org/10.1108/CCSM-03-2017-0033>
- Minkov M., Hofstede G. (2012). Is national culture a meaningful concept? Cultural values delineate homogeneous national clusters of in-country regions. *Cross-Cultural Research*, Vol. 46, No. 2, pp. 133–159. <https://doi.org/10.1177/1069397111427262>
- Obschonka M., Stuetzer M., Gosling S. D., Rentfrow P. J., Lamb M. E., Potter J., Audretsch D. B. (2015). Entrepreneurial regions: Do macro-psychological cultural characteristics of regions help solve the “knowledge paradox” of economics? *PloS One*, Vol. 10, No. 6, e0129332. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0129332>
- Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y. (1994). *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton University Press.
- Rajh E., Budak J., Anić I.-D. (2016). Hofstede's culture value survey in Croatia: Examining regional differences. *Drustvena Istrazivanja*, Vol. 25, No. 3. <https://doi.org/10.5559/di.25.3.02>
- Rodrik D. (2008). Second-best institutions. *American Economic Review*, Vol. 98, No. 2, pp. 100–104. <https://doi.org/10.1257/aer.98.2.100>
- Schwartz S. H. (1994). Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values. In: U. Kim, H. C. Triandis, Ç. Kâğıtçıbaşı S.-C. Choi, G. Yoon (eds.). *Cross-cultural Research and Methodology Series, Vol. 18: Individualism and collectivism: Theory, method, and applications*. Sage Publications. pp. 85–119
- Schwartz S. H. (2012). An overview of the Schwartz theory of basic values. *Online Readings in Psychology and Culture*, Vol. 2, No. 1 pp. 1–20. <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>
- Schwartz S. H. (2014). National culture as value orientations: Consequences of value differences and cultural distance. In: V. A. Ginsburgh, D. Throsby (eds.). *Handbook of the economics of art and culture*, Vol. 2, pp. 547–586. Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53776-8.00020-9>
- Semian M., Chromý P. (2014). Regional identity as a driver or a barrier in the process of regional development: A comparison of selected European experience. *Norsk Geografisk Tidsskrift-Norwegian Journal of Geography*, Vol. 68, No. 5, pp. 263–270. <https://doi.org/10.1080/00291951.2014.961540>
- Shane S. (1993). Cultural influences on national rates of innovation. *Journal of Business Venturing*, Vol. 8, No. 1, pp. 59–73. [https://doi.org/10.1016/0883-9026\(93\)90011-S](https://doi.org/10.1016/0883-9026(93)90011-S)
- Sun G., D'Alessandro S. W., Johnson L., Winzar H. (2014). Do we measure what we expect to measure? Some issues in the measurement of culture in consumer research. *International Marketing Review*, Vol. 31, No. 4, pp. 338–362. <https://doi.org/10.1108/IMR-03-2012-0055>
- Tabellini G. (2010). Culture and institutions: Economic development in the regions of Europe. *Journal of European Economic Association*, Vol. 8, No. 4, pp. 677–716. <https://doi.org/10.1111/j.1542-4774.2010.tb00537.x>
- Taras V. (2008). *Catalogue of instruments for measuring culture*. Calgary, AB: University of Calgary.
- Van Bavel J. J. et al. (2020). Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response. *Nature Human Behaviour*, Vol. 4, pp. 460–471. <https://doi.org/10.31234/osf.io/y38m9>

## **Is there a regional culture in Russia? Opportunities of using a sociocultural approach in economics**

Viktor A. Bryzgalin<sup>1,2,\*</sup>, Elena N. Nikishina<sup>1,2</sup>

*Authors affiliation:* <sup>1</sup> Institute for National Projects (Moscow, Russia);

<sup>2</sup> Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

\* Corresponding author, email: v.bryzgalin@inp.ru

The paper investigates cross-cultural differences across Russian regions using the methodology of G. Hofstede. First, it discusses the most common approaches in measuring culture and the application of the Hofstede methodology in subnational studies. It identifies the critical issues in measuring culture at the regional level and suggests several strategies to address them. Secondly, the paper introduces subregional data on individualism and uncertainty avoidance using a survey of students across 27 Russian universities. The data allow to establish geographical patterns of individualism in Russia. It is demonstrated that collectivism is most prevalent in the Volga region, while individualism characteristic becomes stronger towards the Far East. The findings are robust to the inclusion of various controls and different specifications of the regression model. Finally, the paper provides a discussion about the potential of applying the sociocultural approach in economics.

*Keywords:* culture, values, Russian regions, Hofstede.

*JEL:* B410, D910, Z100, Z130.